

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Водевиль а ргоров въ одномъ дѣйстви.

Петербургскіе жители помнятъ остряка Вивье, — который звалъ въ Петербургѣ моду пускать мыльные пузыри. — Въ нѣкоторыхъ гостинныхъ самые серьезные люди занимались на вечерахъ подобной забавой. — Въ то время и была написана настоящая шутка.

(Примѣчаніе Автора).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, литераторъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. его жена.

ОЛЬГА ИВАНОВНА. его племянница.

САША.

МИША. } дѣти.

ПЕТЯ. }

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ, вѣмедкій учитель.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПРИФТЬ. русскій журналистъ

СИДОРЪ слуга.

ЯВЛЕНИЕ I.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ (*спитъ об стуль.*) Дѣти пу-
скаютъ пузыри.

САША.

У меня неидеть совсѣмъ.

НИША.

Да ты не умѣешь. Гдѣ тебѣ, посмотри какъ я.
(*Ему.*) Ну, не мѣшай же, перестань. Уши выдеру.

САША.

А не смѣешь.... а не смѣешь, папенькѣ скажу.

НИША И ПЕТА.

Папенькѣ.... У!... у!... у!... шпионъ какой, фис-
валь.... Вотъ мы тебѣ. У!... у!...

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ, (*просыпаясь*).

Nu ruhig Kinder, ruhig doch!... es ist eine schan-
del!.... Каки несносны малышишка. Фѣшно меня пу-
диль.... Und ih hatte so süs geträumet. Ach, Оль-
ка Ифана.... Олька Ифана! (*Дѣти шалютъ.*)

НИША.

Ну, перестаньте.

САША.

А вотъ не перестану, вотъ не перестану.

МИША.

Экое дитя!

САША.

Нѣтъ, самъ ты дитя, самъ ты дитя.

МИША.

Христіанъ Адамовичъ, онъ мнѣ мѣшаетъ. (*Христіанъ Адамовичъ спитъ.*)

САША.

Христіанъ Адамовичъ, не правда, это онъ.

МИША.

Нѣтъ, не вѣрьте, Христіанъ Адамовичъ, это онъ.

САША.

Тсъ... тсъ... спить... шпрыхенъ зи дейтчъ, Иванъ Андрепчъ. Давай сюда мыла. Брр.... уу!... (*Дѣти пускаютъ Христіану Адамовичу пузыри въ лицо. Христіанъ Адамовичъ чихаетъ во снѣ. Дѣти его дразнятъ и дѣлаютъ гримасы. Поютъ, шумятъ. Христіанъ Адамовичъ ескакиваетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ ЖЕ Я ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ *(беретъ дѣтей за уши!)*

Такъ и есть, опять за пузырями. Въместо того чтобъ уроки твердить, вотъ чѣмъ вы занимаетесь. Будеть изъ васъ прокъ Христіанъ Адамовичъ!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ *(оскакиваетъ)*

Ach guten morgen lieber Дмитрій Фасилчъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Тутъ, братецъ, не гутень-моргенъ.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Фы карашо подивалъ?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да и ты, кажется, не дурно. Смотри чѣмъ дѣти у тебя занимаются. *(Смотритъ на трубочки.)* Ба!... что это такое ... эдѣ вы эту бумагу взявъ, отвѣчайте.... да это мои черновыя рукописи, повѣсть.... драма.... вотъ хорошо. Родные дѣти изтерзали мои сочиненія. ... что же журналистамъ останется?

МЕША.

Мы думали, что эти бумаги негодныя.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не вамъ это говорить, сами вы негодные. Ступайте въ классную. Въ нынче безъ обѣда.

ДѢТЯ (плачутъ).

Папенька, не будемъ, не будемъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Молчать. Слово скажете, такъ оставлю безъ ужина. Ступайте.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Деметрій Фасиличъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну-съ?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Нѣтъ-съ, ничево. Если онъ меня обижалъ я нишево не сказывалъ. *Commt Kinderchin.* (Уходитъ съ дѣтьми.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (одинъ).

Что это за обезьяны, эти мальчяшки. Видеть, что

большіе дѣлаютъ и они туда же. Строго, строго надо смотрѣть... воспитаніе—нешутка. (*Начинаетъ машинально пускать пузыри.*) У меня и безъ того столько хлопотъ.... Племянница такая грустная, жена такая веселая... да и литература-то.... (*Пузырь*) очень много беретъ времени. (*Пузырь.*) Ахъ! съ дурной стороны взялъ, книгопродавцы мнѣ кланяются.... публика подписывается, покупаетъ, славно, славно надувается.... Бѣда только, критики какъ намылятъ голову. Ужъ этотъ мнѣ Шрифтъ, доберусь я до него.... впрочемъ, есть много и пріятнаго.... извѣстность, репутація.... экая досада, лопнуло.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и СИДОРЪ.

СИДОРЪ.

Изъ типографіи за карикатурой пришли.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что?

СИДОРЪ.

Человѣкъ-съ пришелъ изъ типографіи за вашей карикатурой.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

За корректурой?

СИДОРЪ.

Такъ, точно-съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Скажи, братецъ, что я занятъ. Некогда теперь. Чтось въ другой разъ заходилъ.

СИДОРЪ.

Слушаю-съ (*Уходитъ.*)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эй! Сидоръ!

СИДОРЪ.

Чего изволите?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Былъ здѣсь вчера кто-нибудь безъ меня?

СИДОРЪ.

Какъ же-съ. Лавочникъ приходилъ со счетомъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эхъ, братецъ, не про то спрашиваютъ.

СИДОРЪ.

Угодно знать, былъ ли кто изъ господъ?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, да... изъ господъ.

СИДОРЪ.

Былъ-съ, господинъ Шрифтъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ, Шрифтъ?... Этого критикусь, критикантыкъ, критикантусикъ, который на меня статьи пишетъ. Да развѣ онъ моей шайке? Что я говорю! Развѣ я его шайки? Нѣтъ, опять не то. Какъ онъ смѣетъ ко мнѣ ходить? Что же ты, прогналъ его?

СИДОРЪ.

Никакъ-нѣтъ. Они у Марьи Петровны были.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что ты говоришь? У жены! И долго сидѣлъ?

СИДОРЪ.

Часа два-съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Врешь!

СИДОРЪ.

Помилуйте! За чѣмъ мнѣ врать. Онъ здѣсь частенько бываетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что... что?... *(Про себя.)* Ахъ, да это подозрительно. Марья Петровна! Марья Петровна! Чтобъ это значило... слушай, Сидоръ.

СИДОРЪ.

Слушаю съ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Если этотъ негодяй, критикусь Шрифтикъ сюда придетъ—по шеямъ его. Чтожъ ты смѣешься?...

СИДОРЪ.

Да какъ же, сударь, по шеямъ. Это хорошо нашего брата.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну!... болванъ.... разумѣется, учтиво. Дома нѣтъ, взвинуется, въ постель лежитъ, нездоровъ, занятъ. Чтобъ нога его не была здѣсь.... слышишь?

СИДОРЪ.

Слушаю-съ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, пошелъ!... (*Сидоръ уходитъ.*) Этакъ будетъ вѣрише. То-то я затѣтилъ, что этотъ Шрифтикъ, третій мѣсяць на меня статей не пишетъ. Видно онъ здѣсь-то особой статьей занялся.

ЯВЛЕНІЕ V.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и ОЛЬГА ИВАНОВНА.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Куда она дѣвалась?... Боже мой! Если ктонибудь найдетъ....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что тутъ ищешь?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Нѣтъ-съ, такъ, ничего, дядюшка, работу потеряла.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А поди-ка сюда.... Ты точно работу потеряла?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, Боже мой, онъ все знаетъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, признайся ужъ. Вѣдь ты меня не обманешь

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Простите меня, дядюшка... мнѣ совѣстно.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ничего, мой другъ. Стыдиться нечего. Вотъ я, кажется, человекъ серьезный, известный, а занимаюсь тѣмъ же.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ! вы... дядюшка.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Разумѣется, по-тихоньку.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ну, я бы ужъ этого объ немъ никакъ не думала.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Впрочемъ, теперь это мода.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ мода, дядюшка?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, это теперь всѣ дѣлаютъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что дѣлають?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ что?... Пузыри пускають. Вѣдь ты за тѣмъ пришла.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я-съ.... да.... да, точно.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, вотъ видишь ли?... меня не обманешь. На, тебѣ трубочку.... Вотъ такъ.... тутъ нѣтъ ничего дурнаго.

№ 1

Повѣрь, мой другъ. Забавы дѣтства
Въ сто разъ приличнѣй для дѣвицы,
Чѣмъ подражаніе кокетства
И празднои жизни нашихъ львиць.
И, я прибавлю напоследокъ,
По философїи моеи;
Что лучше надувать вотъ этакъ, — (Пузырь.)
Чѣмъ надувать своихъ мужей!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Онъ хотѣлъ придти сегодня.... что-жъ онъ нейдетъ.... чѣмъ это кончится?...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что, жена моя одѣта?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Одѣта, дядюшка.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Скажи ей, чтобъ она пришла ко мнѣ въ кабинетъ. Мнѣ надо переговорить съ ней кой о чемъ.... Этотъ Шрифтъ не выходитъ у меня изъ головы. Не то, чтобъ я думаль, Боже сохрани! Все таки скажи, что я ее дожидаюсь. (*Уходитъ.*)

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Сейчасъ, дядюшка.... (*Одна.*) Куда дѣвалась эта записка.... Боже мой.... какая я несчастная.... Марья Петровна не даетъ покоя.... Придетъ ли онъ? Онъ пишетъ, что найдетъ случай поговорить нынче со мной.... Марья Петровна опять тутъ будетъ, несносная.... (*Глядитъ въ окно.*) Ахъ, Боже мой! Вотъ онъ ужъ дожидается на улицѣ. .. онъ дѣлаетъ знаки.... дома-ли?... да.... да.... одна-ли?... Нѣ....

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА и ОЛЬГА ИВАНОВНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ дѣлаете?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я ... дѣти пузыри пускали.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ что же?...

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Мнѣ тоже вздумалось.... такъ-съ, шалость.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Право.... да.... да! (*Глядитъ въ окно.*) Ахъ!.. онъ ужъ дожидается. Какія несносныя, эти племянницы! Вѣчно тутъ....

ОЛЬГА ИВАНОВНА (*въ сторону*).

Какая она скучная. Ни на шагъ не отходить. (*Ей.*) Тетушка, васъ дядюшка къ себѣ просиль.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Меня.... Хорошо, успѣю.... послушай, милая, у меня тамъ въ спальнѣ подушка, которую я по канвѣ вышиваю для имянинъ мужа.... и очень тороплюсь, а теперь некогда. Ступай, попей за меня.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, извините, никакъ не могу; у меня что-то пальецъ болить. Тетушка, васъ дядюшка....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Хорошо. (*Въ сторону.*) Онъ сейчасъ будетъ, какъ бы ее отослать.

ОЛЬГА ИВАНОВНА (*въ сторону*).

Онъ, вѣрно, ужъ на лѣстницѣ, — какъ бы отъ нея отдѣлаться. (*Марья Петровна.*) Тетушка, васъ дя-дюшка....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, хорошо. Отъ чего это она не хочетъ уйти? Ужъ не замѣтила ли она чего?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Что это съ ней? Видно она что нибудь подозрѣ-ваетъ. Тетушка, васъ дядюшка....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, милая! ступай пожалуйста къ Христіану Ада-мовичу. Скажи, что я прислала тебя почитать съ дѣть-ми по французски.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ, тетушка? Вамъ угодно....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Сдѣлай мнѣ это одолженіе.... ну, ступай же, моя милая!... (*Цѣлуя ее.*) Ступай....

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

У меня голова болить.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ничего, пройдетъ. Ступай только.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Извольте.... что это съ ней.... будетъ же нынче дѣтямъ праздникъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, ступай-же!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Иду, тетушка, иду. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, потомъ СИДОРЪ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что изъ этого будетъ? Онъ повсюду за нами, какъ тѣнь.... бѣда, если мужъ мой.... да объ чемъ я думаю.... я его не люблю вовсе.... нѣтъ, нѣтъ, по крайнѣй-мѣрѣ, кажется что нѣтъ.... Сейчасъ приду назадъ.

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Марья Петровна, пожалуй ко мнѣ на пару словъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ, мой другъ.... Сидоръ!

СИДОРЪ.

Чего изволите?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Прибери этотъ вздоръ. Никто не приходилъ?

СИДОРЪ.

Никого не было-сь.

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Марья Петровна, съ кѣмъ это вы разговариваете?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Хозяйничая, мой другъ.... Что же это онъ нейдетъ?

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Марья Петровна, я васъ дожидаюсь.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ, сейчасъ.... погоди не много.... Я пузыри

пускаю, — у тебя выучилась. Любить ли онъ меня въ самомъ дѣлѣ, или только притворяется?... Онъ ни одного слова не говорилъ еще мнѣ, да и не смѣетъ, не долженъ смѣть. Впрочемъ любовь мужчинъ.... (*Пу-скаетъ пузырь.*)

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Марья Петровна, я вамъ говорю....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, еще одинъ.

Голосъ ДМИТРІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА.

Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ.... ужъ не дожидаетесь ли ты тамъ кого? Марья Петровна! Марья Петровна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Здравствуй, мой другъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

СИДОРЪ (*одинъ*).

Ай да народецъ! Вотъ нашли себѣ занятіе! Такая мораль право. Добро бы выбрали себѣ какое нибудь эдакое.... деликатное занятіе; въ фанты играть, что ли, либо въ марьяжъ, по свѣтской тонкости. А то по-

плють къ Оеклѣ прачкѣ за мыломъ, наболтаютъ въ стаканѣ, да и ну себѣ вздувать пузыри. Эхъ, народецъ-то, народецъ! просто курамъ на смѣхъ. Да что въ самомъ дѣлѣ, диковина, что ли какая! (*Пускаетъ пузырь.*) Эва! Вишь какой вышелъ! (*Смѣется.*) Чего эти Нѣмцы не выдумаютъ. Дай-ка еще!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

СИДОРЪ и ШРИФТЪ.

ШРИФТЪ.

Что ты тутъ дѣлаешь?

СИДОРЪ.

Виновать—съ! Такъ себѣ маленько литературой занялся.

ШРИФТЪ.

Что ты?

СИДОРЪ.

Да-съ, баринъ такъ говорить. Начнетъ пузыри вздувать, да ужъ никого и принимать не велитъ,—литературой, говорить, занять.

ШРИФТЬ.

Что, что, что?... Баринъ твой пузыри пускаетъ?

СИДОРЪ.

Старательно—съ.

ШРИФТЬ.

Это надо принять къ свѣденію; можетъ пригодиться. Ну, ступай, доложи обо мнѣ.

СИДОРЪ.

Нельзя—съ.

ШРИФТЬ.

Какъ?

СИДОРЪ.

Баринъ васъ пущать не велѣлъ.

ШРИФТЬ.

У меня, братецъ, важное дѣло.

СИДОРЪ.

Не могу знать-съ. Баринъ вышелъ, нездоровъ, дома вѣтъ-съ, въ постель; очень извиняется. Всѣхъ приказано учтиво по шеямъ.

ШРИФТЬ.

Что ты толкуешь?

СИДОРЪ.

Дома нѣтъ-съ,—въ постелѣ.

ШРИФТЪ.

Да, слушай....

СИДОРЪ.

И слушать не приказано. (*Шумятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, ШРИФТЪ, ОЛЬГА ИВАНОВНА и СИДОРЪ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что это за шумъ?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ! это онъ.... сердце такъ и замираетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*Сидору*).

Что я тебѣ приказывалъ?

СИДОРЪ.

Да я имъ говорилъ-съ.... и въ постели, и дома нѣтъ

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, хорошо.... пошеть.... Милостивый Государь....
я очень удивляюсь....

ШРИФЪ.

Здравствуйте, мой почтенный....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Позвольте, вы очень странно.... послѣ нашихъ
отношеній.... и для васъ не почтенный.

ШРИФЪ.

Да, давно не былъ. Виновать, мой почтеннѣйшій....
очень былъ занятъ....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Однакожь....

ШРИФЪ.

Вообразите, почтенный, вы будете, вѣрно, надо-
мною смѣяться.... Вообразите, то есть, не повѣрите,
что я дѣлаю теперь цѣлый день.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Критиканствуете.

ШРИФЪ.

Куда.... совсѣмъ нѣтъ.... смѣшно сказать.... цѣлый
день пузыри пускаю, да не простые.... съ дымомъ....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Съ дымомъ?... Не хотите ли маленько присѣсть?

ШРИФЪ.

Очень благодаренъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Хорошо, что Марья Петровна успокоила меня на его счетъ.... а какъ же это вы, почтенный, это съ дымомъ?

ШРИФЪ.

А вы, почтеннѣйшій, еще не видали? Славная штука. Бѣхаль я намени по Малой Морской; вижу на улицѣ стоить толпа народа, а на воздухѣ летаютъ какіе-то бѣлые шары.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Бѣлые?

ШРИФЪ.

Да-съ, чрезвычайно красиво, летаютъ себѣ надъ крышами.... высоко такъ, знаете, а вѣтеръ ихъ такъ носить.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Право?

ШРИФТЬ.

Да-съ, комнатные пузыри просто вздоръ, дрянъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, этого, мой почтенный, нельзя сказать.

ШРИФТЬ.

Помилуйте, мой почтеннѣйшій, да если вы начнете пузыри пускать на чистомъ воздухѣ, такъ послѣ вы ничего другаго и дѣлать не захотите.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... какъ же это, почтенный. Нельзя ли посмотрѣть?

ШРИФТЬ.

Извольте, почтеннѣйшій. Это очень просто; милаго есть?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Есть.

ШРИФТЬ.

Позвольте папирску. Вотъ такъ, а потомъ въ окно. Видите, видите, какъ летитъ!

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. Вотъ, вотъ у крыши... пѣть, спустился. Ахъ, позвольте, позвольте, пожалуйста. Дайте-ко я попробую. *(Пускаетъ пузыри въ окно.)*

ШРИФТЪ.

Ольга Ивановна, вы получили мою записку?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, если бы вы знали... я такая несчастная! Записку вашу потеряла... выпала изъ кармана, должно быть... бѣда, если найдуть.

ШРИФТЪ.

Могу ли я надѣяться....

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Не знаю право. Дядюшка на васъ очень сердитъ, за какіе-то журналы. Васъ принимать даже не велѣно.

ШРИФТЪ.

Что мнѣ въ немъ. Вы, вы... все для меня на свѣтъ... скажите мнѣ только, что вы меня не ненавидите.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, какъ можно!

ШРИФТЪ.

Любите ли вы меня?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Я-съ.. . право.... не знаю....

ШРИФТЬ.

Но, какъ вы думаете?

ОЛЬГА ИВАНОВНА, *сильшавшись*).

Можетъ быть.

ШРИФТЬ.

О, для меня этого довольно! (*Цьлуетъ ея руку.*)

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*у окна*).

Славно, славно! Дѣло пошло на ладъ!

ШРИФТЬ.

Не бойтесь ничего. Вашъ дядя... что вашъ дядя... дрянъ! Я его уничтожу.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну... пошелъ теперь!

ШРИФТЬ.

Если только моя надежда...

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Опять лопнуло....

ШРИФТЬ.

Надежда сбудется, то вы будете моей женой, даже противъ его воли.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Какъ можно!

ШРИФТЬ.

Помилуйте, чего бояться? Что ихъ слушать! Не мы ли должны жить вмѣстѣ? Не мы ли должны быть счастливы. И скажите, мы ли можемъ разлучиться навсегда?

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Все дѣло, батюшка, въ хорошемъ мылѣ.

ШРИФТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, мы созданы другъ для друга... наши души родныя сестры, ихъ породило солнце любви въ одномъ лучѣ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Эхъ, куда занесло!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, безъ согласія родныхъ я не могу дать слова. Ступайте къ тетюшкѣ, откройтесь ей.

ШРИФТЬ.

Къ Марьѣ Петровнѣ? Да она, кажется, мой первый врагъ. Вѣдь она отъ васъ ни на шагъ не отстаетъ.

Вчера только я могъ васъ видѣть нѣсколько минутъ.... и то она опять тотчасъ пришла.... она всему помѣшаетъ.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Вы говорили, что любите меня.

ШРИФТЪ.

О, болѣе жизни!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ну, такъ ступайте къ ней. Я буду дожидаться въ своей комнатѣ нашего приговора. Отъ васъ зависитъ, быть ли мнѣ вамъ чужой.... или (*Въ полголоса.*) вашей невѣстой.

ШРИФТЪ.

О, погодите еще!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

До свиданія.... надѣюсь.... (*Уходитъ.*)

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Вотъ два сошлись теперь.... нѣтъ разошлись опять.

ШРИФТЪ.

Страшно, страшно.... Боюсь я этой Марьи Петров-

ны... она, кажется, племянницы своей не любить...
точно нарочно все намъ мѣшаетъ. Ну, нечего дѣлать,
пойду попробую. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ одинъ, потомъ САША.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*у окна*).

Эва!... Вотъ будочникъ началъ алебардой махать.

ГОЛОСЪ БУДОЧНИКА.

Эй, баринъ, что ты тамъ балуешь. Говорять тебѣ,
баловать не велѣно.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, ужь молчи, ты, служивой.

ГОЛОСЪ.

Молчи! Вишь какой, молчи. Не бошь отвѣчать-то я
буду. Ну, что вы глазѣете, дурачье этакое! Ступайте

этой дорогой; чего вы тут не видели? Говорять тебѣ, баловать не вѣльно... видишь Надзиратель ѣдетъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. (*Оборачивается съ пузыряремъ и наталкивается на сына.*) Что ты тутъ дѣлаешь? А? шалить пришелъ. Что у тебя тутъ въ рукахъ. Покажи-ка, что ты прячешь?... а, трубочка... опять за пузырями пришелъ. Долго ли вамъ пустяками заниматься... давай сюда... ступай къ Христіану Адамовичу, позови его сюда... что онъ смотреть. И что за тоненькая, негодная бумага, даже бумаги порядочной не умѣютъ выбрать... ба! что это такое?... Чей это почеркъ?... записка... ужъ не къ женѣ ли? начало оторвано... бррр! Въ глазахъ потемнѣло... «Видѣть васъ на единѣ... на единѣ... вы знаете что я люблю васъ, болѣе жизни. Ради Бога, рѣшите мою участь... скажите мнѣ... умоляю васъ... Могу ли надѣяться»... надѣяться, вотъ что онъ вздумалъ... «напишите мнѣ когда Дмитрія Васильевича не будетъ дома. Онъ, я знаю, меня неавидитъ за полемику, да виновать ли я, что онъ пишетъ такой вздоръ», Шрифтъ. Шрифтъ! такъ и есть! Да это змѣя, не человѣкъ. Да онъ рожденъ для моего несчастія... сперва славу мою помрачилъ. Теперь семейное мое счастье хочетъ разстроить. О, да это такъ не обойдется, нѣтъ, голубчикъ, стой, я его вызову, вызову, непременно вызову... въ переднюю... да оттуда и выпровожу порядкомъ. Критикъ начнетъ писать... да пускай его. Развѣ жена моя ниже всякой критики? Нѣтъ, братъ, стой!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ и ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Тсъ... Деметри Фасиличъ!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Не до того теперь, некогда.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ *таинственно*!

Тсъ... Я имѣю онаясательство сказать вамъ, какъ местный человекъ....

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Отвяжись, пожалуйста.

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Въ фашъ домъ не совѣмъ порятливо.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ... ты ужъ знаешь?

ХРИСТІАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Вашъ домъ не совѣмъ порятливо.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что? что? ты развѣ, что нибудь замѣтилъ?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Самѣтилъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Такъ и есть... все кончено... Ну говори, говори!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Исфольте фидѣть; вшера я уроки таваль дѣтямъ, а за двери я вдругъ такой странной расгоферь, что и сказать не можно услыхалъ. Какой-то неизвѣстный госпотинъ кафарилъ очень, очень, очень нѣшно... фы меня люжить.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, а она что?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

А она сказала... *(Таинственно.)* Тфой или нишево.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что?... что?...

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Тфой или нишево.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Быть не можетъ.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Какъ шестной Нѣмецъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Убить! Уничтожень! погибъ совсѣмъ.... Злодѣи!
смѣются надо мной.... Ахъ, Боже мой! да они теперь
гдѣ нибудь вмѣстѣ, а я съ тобой еще разговариваю.
Давайте мнѣ ихъ, гдѣ они! (*Бѣжитъ и ната-
ливается на Сидора.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и СИДОРЪ.

СИДОРЪ.

Пожалуйте въ Полицію.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что?... въ Полицію.... не надо, братецъ, это дѣло
семейное.... развѣ послѣ.

СИДОРЪ.

Не могу знать-съ семейное ли это дѣло шары пу-
скать-съ. Надзиратель дожидается въ передней.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да постой, братецъ. Тутъ бѣда, тутъ чортъ знаетъ что. Ты женать, Сидоръ?

СИДОРЪ.

Женать, сударь.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Болванъ, братецъ! Кто это у тебя спрашивалъ... скажи ему, что я умеръ.

СИДОРЪ.

Ошь васъ въ окно видѣлъ, просить для объясненія, по случаю беспорядковъ на улицѣ.... они сказали, что дожидаться будутъ.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, иду, иду. Отвяжись только. Христіанъ Адамовичъ, ты—другъ мой?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Трукъ,—о та, та, трукъ!

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Посмотри, покачьсть, за шнуръ, подслушай... не жалѣй меня. Все скажи мнѣ, все, все... слышишь-ли?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Все скасывать пуду.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

О, я несчастный человекъ!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

О, та, фи шалкій соининитель.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Христіанъ Адамовичъ!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Деметрій Фасилитъ! *(Кидаются съ объятіа другъ друга.)*

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Пожалві обо мнѣ!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Пуду шаловать.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Прощай, Христіанъ Адамовичъ! *(Уходитъ.)*

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Прощайте, Деметрій Фасилитъ!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ *(одинъ)*

Прошайте, Деметрій Фасиличъ! Адье арме бузень-фрейндъ. Das ist ein спектакль.... Ахъ, Олъка Ифанна ich habe genossen das irdische Glück. Я поснафаль семледьльческое шастие. Я люпилъ и пуду люпить.... а пуду-ль женился.... Nein, o nein. Ахъ, Олъка Ифанна.... А нато слушалъ.

ЯВЛЕНИЕ XV.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ, МАРЬЯ ПЕТРОВНА.
ШРИФТЬ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ здѣсь!... А, Христианъ Адамовичъ, что вы тутъ дѣлаете?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

О! нато слушалъ.... што скасать; а фоть прекрасна мысль! *(Пускаетъ пузыри.)*

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ дѣлаете?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Исфините. Я тѣлалъ физикальный экспериментъ для пусыри.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Послѣ успѣете. Дѣти одни....

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Сейшасъ.... о, мой бѣдный, Дмитрій Фасиличъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ступайте же.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Карашо я сдѣлалъ, что не шенифался. А вотъ я стѣлалъ, и сепѣ спряталъ. (*Прячется.*)

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, тецерь мы одни. Вы хотѣли говорить со мной?

ШРИФЪ.

Да-съ; отъ васъ зависитъ судьба моя.... судьба моя, все мое счастье . . .

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Бѣдный, онѣ миѣ жалокѣ. Отъ меня, вы говорите.... какимъ образомъ?

ШРИФТЬ.

Выслушайте меня....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я надѣюсь, что вы ничего не скажете такого....

ШРИФТЬ.

О, будьте спокойны!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ такомъ случаѣ, я васъ слушаю.... садитесь, пожалуйста. *(Садятся.)*

ШРИФТЬ.

Марья Петровна, я влюбленъ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, *(вставая и оглядываясь).*

Тссъ!

ШРИФТЬ.

Какъ-съ

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Тише, пожалуйста, мой мужъ не далеко.

ШРИФТЬ.

Такъ что же?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Для васъ, я знаю, ничего.... но развѣ вы объ себѣ одномъ только думаете? Люди такіе злые!

ШРИФТЪ.

Я влюбленъ, влюбленъ до безумія! Какъ это случилось, того я самъ не знаю. Моя исторія проста. Я человѣкъ не богатый и потому имѣю несчастье писать критики.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ вамъ не стыдно.

ШРИФТЪ.

Что же дѣлать? Обстоятельства! Я написалъ нѣсколько рецензій на вашего мужа.... вы можете быть читали?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, да, презабавная. Я очень имъ смѣялась.... мнѣ съ того времени и захотѣлось съ вами познакомиться.

ШРИФТЪ.

Мужъ вашъ, разумѣется, сдѣлался мнѣ врагомъ. Мы съ нимъ хоть и старинные пріятели, однакоже ненавидимъ другъ друга. Вообразите мое несчастье. Вы пріѣхали изъ Москвы. Я встрѣтилъ васъ, съ вашей племянницей—и участь моя была рѣшена. Я влюбился

съ пыломъ первой юности, я бросилъ занятія. Повѣрите ли, я сдѣлался такъ глупъ, что не могу написать самой простой глупости.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ онъ хорошо говоритъ. Повѣрьте мнѣ, я жалю объ васъ, но...

ШРИФТЬ.

Какъ-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Но, вы знаете, есть обязанности, которыя должны оставаться священными... какъ бы они не были тяжелы. Я васъ выслушала. Теперь позвольте васъ побранить. Что это значить, что вы такъ часто къ намъ ходите, въ отсутствіе мужа? Мужъ мой ревнивъ....

ШРИФТЬ.

Какъ-съ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Мужъ мой очень ревнивъ. Для васъ, молодыхъ людей, это не стоитъ вниманія. Но, вы безжалостно съ нами поступаете. Вѣдь мы не каменные. Подумали ли вы о послѣдствіяхъ вашего безумнаго поступка? Вы посмѣялись и кончено. А мы остаемся однѣ; мы уже ни въ чемъ не принимаемъ участія. Намъ домъ для насъ темница. Для насъ нѣтъ покоя ни днемъ, ни по-

чью. И когда мы разъ почувствовали любовь, мы не можемъ уже отбросить ее. Она сливается съ нашей жизнію.

ШРИФТЪ.

Вотъ-те ца!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Для насъ вся земля въ одномъ человѣкѣ. Для насъ, онъ вся наша жизнь. Онъ отравитъ намъ все наши радости, все наши семейныя наслажденія... онъ заставитъ насъ призывать смерть на помощь. Вотъ что непременно должно случиться когда мы повѣримъ притворной любви... но, успокойтесь, между нами ничего такого быть не можетъ.

ШРИФТЪ.

Уфъ! мапугала она меня! Да что же это въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы дѣлаете мыльные пузыри?

ШРИФТЪ.

Помилуйте, я не понимаю. . .

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Любовь мужчинъ ничто иное—блеснетъ на минуту и лопнетъ.

№ 2.

Любовь мужчипъ игра для дамъ,
Хоть съ ней несчастье неразлучно;
Въ нее играть опасно намъ,
А не играть, — какъ будто скучно.
И я вамъ тайно признаюсь,
Что странное выходитъ дѣло,
Я и выигрывать боюсь,
И проиграть бы не хотѣла.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Я софсѣмъ очень турно слушала.

ШРИФЪ.

Что это?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Берегитесь; насъ подслушиваютъ.

ШРИФЪ.

Что мнѣ за дѣло! Пускай весь свѣтъ узнаетъ, что
я люблю вашу племянницу.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*въ сторону*).

Какъ онъ ловокъ. (*Смѣясь.*) Вы любите мою пле-
мянницу?

ШРИФЪ.

Болѣе жизни.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

И вы хотите на ней жениться?

ШРИФТЬ.

Конечно.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Бѣдный! Неужели онъ мнѣ принесетъ такую жертву? Нѣтъ, нѣтъ, не бывать этой свадьбѣ. Племянница моя зависить отъ меня; я не позволю.

ШРИФТЬ.

Вы не позволите. Помилуйте, а я на васъ только и надѣялся.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы обидѣли моего мужа. Онъ вамъ никогда не проститъ, и я тоже. (*Въ сторону.*) Я не знала, что онъ такъ уменъ.

ШРИФТЬ.

Такъ вы мнѣ отказываете?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Рѣшительно.

ШРИФТЬ.

И не позволите даже надѣяться?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, пожалуйста. перемѣните разговоръ. Поговоримъ о чемънибудь другомъ. Что вы вчера дѣлали?

ШРИФТЪ.

Любилъ, какъ нынче.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Берегитесь, насъ подслушиваютъ. Что вы дѣлали вчера?

ШРИФТЪ.

Любилъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Опять! Я не то спрашиваю. Вы меня разсердите, наконецъ. Гдѣ вы были вчера?

ШРИФТЪ.

Вчера?... не помню, право.... въ гостяхъ, кажется.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Что тамъ дѣлали?

ШРИФТЪ.

Да ничего-съ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Однакожь....

ШРИФТЬ.

Да вздоромъ болѣе занимались. Мыльные пузыри пускали.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Право.... и тамъ тоже.... да это теперь мода вездѣ.... какой несносный Нѣмецъ.... ужъ я его выживу изъ дома.... совсѣмъ за дѣтьми не смотреть. Вы ихъ хорошо дѣлаете?

ШРИФТЬ.

Что-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Пузыри.

ШРИФТЬ.

Помилуйте, какъ вамъ не грѣшно. Что за шутки, послѣ того, что я вамъ говорилъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Мы цѣлый день этимъ занимаемся. Не хотите ли теперь?

ШРИФТЬ.

Да выслушайте меня....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

На этомъ столѣ все приготовлено.

ШРИФТЬ.

Да это нестерпимо!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Я васъ прошу. Если вы меня любите.... для осторожности, понимаете!... Я увѣрена, что вы отказываетесь потому, что не умѣете.

ШРИФТЬ.

Нѣтъ, напротивъ, я большой мастеръ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ужъ вѣрно не больше меня.

ШРИФТЬ.

Кто знаетъ-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

А вотъ, посмотримъ. (*Пускаетъ пузырь.*)

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТЪ ЖЕ и ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну, что?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Деметрий Фасилчъ, храбрость!

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ, неужели?

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

И вышево не понимаютъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А, понимаю... все кончено! (*Горько улыбаясь.*)
Какъ они притворяются, злодѣи!... Сударыня, судары-
ня! что это такое?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Это?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, это!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Это—трубочка.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, какая трубочка?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Пузыри пускать.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ (*дикий голосомъ*).

Ха, ха, ха!... хороши пузыри! Страшитесь, сударыня! Трещите, я все знаю! я прочиталъ... эту трубочку.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, Боже мой!... онъ писалъ ко мнѣ. Какая неосторожность!

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Ну-съ, сударыня, что вы на это скажете?

ШРИФЪ.

Молчите!... Ну-съ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Почему я знаю.... мало ли къ кому пишутся письма. Бумага все терпитъ. Вы сами это знаете.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Отвѣчайте, сударыня.... къ кому эта записка?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Прочитайте.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да тутъ имени не выставлено.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Не выставлено, — у васъ въ домѣ есть племянница.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что, что, что?...

ШРИФТЬ.

Да-съ, Дмитрій Васильевичъ, я люблю вашу племянницу, я прошу ея руки.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ онъ уменъ! какъ онъ уменъ! — А я отказываю. Племянница моя никогда не будетъ женой нашего врага.

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ

Я еще меньше понималъ.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Здѣсь кого-то обманываютъ. Да погодите, дѣло объяснится. Олинька! Олицька!... Олинька!...

ЯВЛЕНІЕ XVII

ТЪ ЖЕ и ОЛЬГА ИВАНОВНА.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Поди сюда... Олинька, умоляю тебя именемъ всего

священнаго, если ты любишь своего дядю, если я тебѣ не чужой.... если ты.... если я.... ну, умоляю тебя, скажи.... что это такое?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Это трубочка.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Посмотри, что за трубочка.

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ахъ, извините меня, дядюшка, это записка, которую я выронила.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Она—къ тебѣ?

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Ко.... мнѣ-съ....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Уфъ!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Ахъ! понималъ! понималъ! Нѣтъ, опять вишефо не понималъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ это онъ меня обманывалъ? Да онъ совсѣмъ не такъ уменъ, какъ я думала.

ШРИФТЪ.

Дмитрій Васильевичъ! въ вашихъ рукахъ наша судьба.... Вы знаете нашу тайну.... мы любимъ другъ друга....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Прочь! Милостивый Государь, прочь! Ступайте критики писать.

ШРИФТЪ.

Да развѣ вы не видѣли нынѣшнюю газету?

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Нѣтъ.... а что?

ШРИФТЪ.

Читайте.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что я вижу! Какъ же, почтенный, да это противъ вашихъ собственныхъ словъ!

ШРИФТЪ.

Ничего, почтеннѣйшій. Но я не первый разъ. Это у насъ такъ принято.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Послѣ этого—все забыто. Приди въ мои объятія ты мой племянникъ. Вотъ тебѣ моя племянница.

ШРИФТЪ.

Ты мой! Какое счастье!

ХРИСТИАНЪ АДАМОВИЧЪ.

Ахъ, пѣтвая Оляка Ифанна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, Иванъ Ивановичъ, проучила же я васъ порядкомъ. Не правда ли? Вы думали, что я въ самомъ дѣлѣ вообразила, что вы меня любите?

ШРИФТЪ.

Помилуйте-съ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, ужъ признайтесь.... я давно знала, что вы любите мою племянницу.... она мнѣ сама сказала.

ОЛГА ИВАНОВНА.

Какъ, тетушка?...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Молчи!... Да, я все знала, только васъ надо было помучить, проучить хорошенько.

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Что, что, проучить.... за что?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

А какъ же, мой другъ.... развѣ онъ не писалъ противъ тебя статьи, развѣ онъ не сравнивалъ тебя съ....

ШРИФТЬ.

Марья Петровна, кто старое помянетъ....

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Да, да.... все забыто. Да ужъ и ты, Марья Петровна, извини меня....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Послѣ.... увидимъ.... Какъ тебѣ не стыдно, мой другъ, что ты могъ во мнѣ усомниться. Мы женщины не дѣти.... мы всему знаемъ цѣну. Добрый мужъ-сокровище неоцѣненное, а вздохи, и слезы, и слова влюбленныхъ.... извѣстно, не что иное, какъ мыльные пузыри,—да что и не мыльные пузыри на свѣтѣ!

№ 3.

Улюдей забавы эти
Въ нашемъ вѣкѣ—знакъ того
Что для смертныхъ все на свѣтѣ
(Пускаетъ пузырь). Пфу!... и больше ничего!

ШРИФТЬ.

Въ геніи журналъ выводить,
Всѣхъ сотрудниковъ его,
Что жъ изъ геніевъ выходитъ?
(Пускаетъ пузырь). Пфу!... и больше ничего!

ОЛЬГА ИВАНОВНА.

Теперь страшится Авторъ крайню,
О, судьи наши, чтобы вы,
Вдругъ не задумали случайно
Ему намылить головы.
Онъ разшутился вамъ въ угоду,
Рѣшайте жъ, поскорѣе, намъ:
Должно ли шуткѣ кануть въ воду
И лопнуть мыльнымъ пузыремъ?
(Всѣ повторяютъ четыре послѣдніе стиха).